

Р. З. МУРЯСОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Современное языкознание располагает большим количеством работ, в которых исследуется одна из сложнейших проблем лингвистики — проблема плана содержания слова. Слово, по удачному определению Э. А. Макаева, является «переходящей конститутивной единицей языка, т. е. выступает и может выступать на нескольких уровнях языка»¹. Значительный интерес представляет также структурная архитектоника слова. Слово может изучаться с точки зрения своего фонематического², слогового, морфологического и словообразовательного строения.

В трудах советских языковедов значительное внимание уделяется вопросу соотношения морфологического и словообразовательного принципов анализа слов (исследования Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, М. Д. Степановой, М. А. Кумахова, В. В. Лопатина, И. С. Улуканова, Н. А. Янко-Триницкой и др.). Не вдаваясь в изложение различий целей и задач морфологического и словообразовательного анализа слова, укажем, что словообразовательный анализ призван выявить словообразовательную структуру слова, т. е. производящую основу и словообразующий аффикс. Однако следует одновременно подчеркнуть, что наибольшие трудности установления производящей основы и словообразовательного аффикса выявляются не в любых производных, а лишь в тех случаях, когда производящая основа формально совпадает с корневой морфемой, т. е. когда производная основа удалена в одном направлении от исходной основы на одну словообразовательную операцию. Анализ отношений между производящей основой (равной корневой морфеме) и аффиксом сводится по существу к установлению морфем, т. е. в какой-то мере к морфемному анализу. Установление производящей основы, являющейся в свою очередь вторичной, т. е. производной основой, не вызывает никаких трудностей. Так, легко можно выделить основу *fertig* в производном *Fertigkeit*, в то время как в составе прилагательного *fertig* невозможно выделить полноценную производящую основу. Основная трудность состоит в выделении корневой морфемы. Таким образом, основные трудности морфемного и словообразовательного анализов в конечном счете совпадают, что, однако, не исключает принципиальных отличий между ними.

Собственно немецкие и иноязычные производные основы ведут себя в отношении словообразовательной членимости неодинаково. Они легко поддаются членению на производящую основу и аффикс. Структурная четкость немецких основ обусловлена высокой продуктивностью и активностью тех моделей, по которым они образованы.

В настоящей статье будут рассмотрены структурные особенности собственно немецких и иноязычных основ, обладающих признаком формаль-

¹ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 255—256.

² P. Menzerath, Die Architektonik des deutschen Wortschatzes, Bonn — Hannover — Stuttgart, 1954.

ной³ или эксплицитной⁴ производности, а именно: 1) степени членимости, или «морфологической выводимости» (Н. А. Янко-Триницкая) производящей основы из производной; 2) морфонологические факторы и их роль в варьировании производящих основ; 3) установление словообразовательной направленности основ; 4) размер (т. е. линейная протяженность) слова и его связь с выделяемостью производящих основ.

Типы словопроизводства распределяются в немецком языке по частям речи неравномерно. Префиксация — это в основном «удел» глагольного словообразования. В противоположность префиксации суффиксация обнаруживает большую продуктивность в производстве имен существительных и поэтому изучение структурных связей между префиксом и производящей основой в соответствующих производных существительных не представляется продуктивным. В системе иноязычных имен существительных префиксы также относительно малочисленны и не играют существенной роли в оформлении их структуры. Иноязычные производные существительные в современном немецком языке в основном латино-романского происхождения, и, как отмечает Ш. Балли, латинский и романские языки почти не пользуются индоевропейским префиксальным наследием⁵. Все трудности определения производности — непроизводности глагольной основы вызваны диффузностью структурных и смысловых отношений между префиксами и некоторыми производящими основами, что характерно как для немецкого глагола, так и для глагольной системы других германских языков. Так, *-ginnen* в нем. *be-ginnen*, *-gin* в англ. *be-gin* и *-gynna* в шведском *be-gynna* не обладают статусом корневой морфемы. Количество подобных примеров в немецком языке может быть легко увеличено (ср., например, глаголы с неотделяемыми префиксами).

При анализе структуры основ существительных наибольшие трудности возникают в установлении производящей основы и суффикса. Немецкие языковеды указывают на такие «застывшие», «мертвые» образования («sprachliche Versteinerungen») ⁶, как *Bräutigam*, *Nachtigall*, в составе которых легко вычлениаются первые компоненты *Braut* и *Nacht*, в то время как остаточные элементы *-gam* и *-gall* в современном языке не встречаются ни в виде суффиксов, ни в качестве вторых компонентов сложных слов. Аналогичные элементы в английском языке, например, *cran* в *cranberry*, Г. Марчанд называет композитами (composite form), состоящими из морфемного и не морфемного (non-morphemic) элементов⁷. Их шаткий морфемный статус отражается на анализе структуры соответствующих слов по НС⁸. Особенно сложны структурные взаимоотношения производящей основы и суффикса в системе иноязычной производной лексики. Морфологическая диффузность иноязычных словообразовательных моделей усложняет их теоретическое описание и влечет за собой трудности методического характера. Число иноязычных суффиксов значительно превышает число собственно немецких суффиксов существительных. Кроме того, инвентарь и номенклатура иноязычных суффиксов не константны и их коли-

³ См.: Е. С. Кубрякова, О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках, сб. «Историко-типологические исследования морфонологического строя германских языков», М., 1972, стр. 177.

⁴ См.: W. Fleischer, Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache, Leipzig, 1969.

⁵ Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 383.

⁶ O. Behaghel, Sprachliche Versteinerungen, «Von deutscher Sprache. Aufsätze, Vorträge und Plaudereien», Lahr i. Baden, 1927.

⁷ H. Marchand, Synchronic analysis and word-formation, CFS, 13, 1955.

⁸ Н. А. Слюсарева, Лингвистический анализ по непосредственно составляющим, ВЯ, 1960, 6.

чество колеблется от автора к автору. В грамматике Дудена представлены 46 суффиксов, В. Шмидт приводит 26 суффиксов, В. Юнг — 38, в специальном исследовании по немецкому словообразованию В. Флейшера описываются 28 суффиксов; советский германист М. Д. Степанова выделяет 17 суффиксов. Таким образом, колебания у разных авторов настолько существенны, что амплитуда колебания составляет от 9 до 46, т. е. разница между низшим и высшим порогами колебания равна 37 суффиксам. Столь существенные различия в списках суффиксов у разных авторов свидетельствуют об отсутствии каких-либо надежных и четких критериев выделения тех или иных конечных сегментов слова в качестве словообразовательных формантов. Не выработаны более или менее устойчивые правила, позволяющие приписать сегменту слова статус аффиксальности или автономной основы.

Попытка установить структурные и семантические связи между производящей и производной основами приводит к выявлению разных ступеней членимости, т. е. шкалы членимости, которая состоит минимум из трех ступеней⁹.

I. Безостаточная членимость. В немецком языке производящая основа существует как самостоятельная лексическая единица, вычленимая в составе производного безостаточно, например: *Marx-ist*, *Sozial-ist*, *Revolution-är*, *Dozent-ur* и т. д.

II. Коррелирующая членимость. Производящие основы в виде автономных единиц в немецком языке не существуют, но встречаются как «связанные» основы в других конструкциях, т. е. в комбинациях с другими суффиксами, и образуют гнезда слов, например: *Demonstr-ant*, *Demonstr-ation*, *demonstr-ieren* и т. д.

III. Остаточная или отрицательная членимость. «Производящие» основы существуют только в данной конструкции, т. е. уникальны (*unique morphemes*)¹⁰. Такие основы некоторые языковеды называют «дефектно членимыми»¹¹ или «отрицательно выделяемыми»¹², например: *General*, *Baron*, *Dekan* и т. п.

Первая ступень членимости характерна не для всех суффиксальных моделей, причем неодинаков и ее удельный вес в разных моделях. Например, производные с *-ist* укладываются в первые две ступени, в то время как производные с *-et* могут обладать признаками только II и III ступени членимости. Ср.:

Шкала членимости	-ist	-tion	-eur	-age	-et
I	122 (50,8%)	2 (0,35%)	10 (11,6%)	13 (28,2%)	—
II	118 (49,2%)	520 (91,2%)	66 (76,7%)	24 (52,1%)	18 (32,1%)
III	—	48 (8,45%)	10 (11,6%)	9 (19,5%)	38 (67,9%)

Большинству иноязычных моделей свойственны II и III ступени членимости.

Суффиксальная маркированность основ первых двух ступеней не вызывает сомнений. Спорным является статус производности слов III ступени,

⁹ См.: Р. З. М у р я с о в, Некоторые лексико-грамматические особенности иноязычных производных существительных, сб. «Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов», II, М., 1971.

¹⁰ См.: L. B l o o m f i e l d, Language, New York, 1933, стр. 160.

¹¹ Е. С. К у б р я к о в а, Морфологическая структура слова в современных германских языках, сб. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках», М., 1970.

¹² М. Д. С т е п а н о в а, Аспекты синхронного словообразования, «Ил.яз. в шк». 1972, 3.

в которых некоторые языковеды различают элементы, называемые «квазиморфами», «квазиморфемами» или «приметами»¹³. Слова с квазиморфами представляют собой псевдоконструкции, значение которых определяется «серийным значением» (*Gruppenbedeutung*)¹⁴ квазиморфов.

Таким образом, те или иные сегменты слов могут претендовать на статус разновидности морфем, т. е. квазиморфов, в том случае, если они поддерживаются «полноценными» морфемами в системе языка, наделенными каким-либо лингвистическим значением.

Собственно немецкая и иноязычная лексика находятся в тесном взаимодействии. Как известно, заимствующий язык приспособливает заимствованные элементы к своей системе. Своеобразной формой взаимодействия иноязычной и немецкой подсистем словообразования является существование в немецком языке так называемых «гибридных» слов (*hybride Bildungen*)¹⁵, представляющих собой сочетание двух и более генетически инородных морфем. На уровне словообразования речь идет о двух видах взаимодействия инородных морфем: 1) немецкая производящая основа сочетается с иноязычными аффиксами и 2) к иноязычным основам присоединяются немецкие аффиксы. Степень продуктивности и частотность двух моделей неодинаковы. Присоединение немецких суффиксов к иноязычным основам значительно свободнее, чем сочетание иноязычного аффикса с собственно немецкими основами. Большинство немецких суффиксов может сочетаться с иноязычными основами, например: *-heit, -tum, -ei (-erei), -schaft, -ung, -ling*, ср.: *Korrektheit, Ästhetentum, Juristerei, Konditorei, Studentenschaft, Modernisierung, Blondling* и т. д. Члены одного и того же алломорфного ряда обнаруживают неодинаковую активность в оформлении гибридных слов. Например, алломорф *-heit* может сочетаться с различными иноязычными основами, в то время как алломорфы *-keit* и *-igkeit* находятся в комбинации обычно с собственно немецкими основами или с основами, которые сами являются гибридными образованиями: *Deklinierbarkeit, Taktlosigkeit, Manierlichkeit*.

Модели «иноязычный префикс + немецкая основа» (например, *superfein*), «немецкий префикс + иноязычная основа» (например, *verjassen*), «иноязычная основа + немецкий суффикс» (например, *Konkretheit, grazienhaft*) привились в словообразовательной системе немецкого языка.

В противоположность указанным выше моделям, модель «немецкая основа + иноязычный суффикс» представляет собой отклонение от словообразовательных норм немецкого языка и носит ограниченный характер. Гибридные слова, образованные по последней модели, образуют малочисленный класс. Из большого количества иноязычных суффиксов существительных лишь около 20 могут сочетаться с немецкими основами, например: *-age, -al, -ant, -atius (-azius), -ette, -(ol)eum, -iade, -ikus, -ier, -ie, -in, -ist, -orum, -orium, -(i)tät, -itis* и некот. др. Своеобразная структура таких образований сопровождается возникновением у них «дуги стилистического напряжения», так как «эмоциональное значение может возникнуть при

¹³ Е. С. Кубрякова, О типах морфологической членности слов, квазиморфах и маркерах, ВЯ, 1970, 2. По-видимому, предпочтение следует отдать термину «квазиморф». Термин же «квазиморфема» относится к эмическому уровню анализа и указывает на единицу системы языка. Квазиморфы всегда конкретны и характеризуются уникальной дистрибуцией. О том или ином квазиморфе можно говорить только в рамках конкретного слова. Так, нет квазиморфа *-el* вообще, а есть квазиморф *-el*, например, в составе слова *Löffel*, ср. *Deckel (decken), Ärmel (Arm)* и т. д.

¹⁴ M. Dokulil, Zur Frage der Stelle der Wortbildung im Sprachsystem, SaS, 29, 1968, стр. 13.

¹⁵ H. Bunnert, Zum Einfluß des Englischen auf die deutsche Sprache seit dem Ende des zweiten Weltkrieges, JEGPh, 62, 1963.

нарушении лексических норм словообразования»¹⁶. Данную модель следует рассматривать как отклонение, как редкое, нетипичное для немецкого словообразования явление. Об этом свидетельствует, во-первых, закрытый характер гибридных производных, и, во-вторых, тот факт, что эта модель содержит стилистический заряд, т. е. получает эмоциональную оценочность. При этом стилистическая нагрузка гибридов ни в коей мере не зависит от характера производящей основы, а обусловлена экзотичностью модели. Производящие основы сами по себе нейтральны. Ср.: *Buckelorum*, *Buckelinski*, *Buckelanes* «(шутл.) горбун» (*Buckel*), *Bummelatus* «(шутл.) пассажирский поезд малой скорости» (*Bummel*, *bummeln*), *Dichteritis* «(шутл.) болезненная страсть к писательству, к сочинительству, графомания» (*Dichter*), *Lausoleum* «(воен. жарг.) санпропускник» (*Laus*), *Luftikus* «ветрогон, ветреник» (*Luft*), *Stiefelette* «(разг., пренебр.) сапоги» (*Stiefel*). К своего рода словообразовательным «экзотизмам» следует отнести также гибридное существительное *Sammelsurium* «(разг.) всякая всячина, винегрет, неразбериха». Это вычурное слово образовано от основы немецкого глагола *sammeln* и от сегмента *surium*, напоминающего латинскую основу. В словах *Lausoleum*, *Sammelsurium* и т. д. нельзя вычленить морфемы, повторяющиеся регулярно в других образованиях. Существование подобных слов в славянских языках В. Дорошевский объясняет «слуховыми впечатлениями» («wspomnienia słuchowego») ¹⁷. Следует указать еще на одну структурную особенность гибридных существительных. В отличие от иноязычных, характеризующихся нередко остаточной выделяемостью основ, гибридные существительные обладают высокой степенью словообразовательной и морфологической членимости, ср.: *Jesuit-erei*, *Blum-ist*, *Luft-ikus*, *Buckel-orium*, *Stiefel-ette* и т. д. Генетическая инородность морфем обуславливает отсутствие между ними структурной близости, спаянности.

При переходе из одной части речи в другую как фонематический и морфологический облик, так и смысловая структура производящих основ претерпевают ощутимые изменения. Варьирование производящих основ вызывается в основном теми морфонологическими изменениями, которые имеют место в формо- и словообразовании. Наиболее существенными морфонологическими средствами, вызывающими варьирование основ, являются для немецкого словообразования умляут и чередование согласных исхода производящей основы. Умляут свойствен собственно немецкому словообразованию, чередование же согласных характерно для иноязычного словопроизводства. Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова указывают, что «морфонологические характеристики выступают всегда как способствующие дифференциации форм или усиливающие уже имеющуюся дифференциацию» ¹⁸. По их мнению, морфонологические факторы выступают нередко как интенсификаторы морфологических категорий или как дополнительные их различители. Если умляут как разновидность внутренней флексии может выступать в формообразовании как показатель грамматических значений (ср.: *Vater* — *Väter*, *Mutter* — *Mütter*), то в словообразовании он может выступать обычно лишь как интенсификатор, как дополнительный признак словообразовательной направленности основы, например: *väterlich*, *Vögelein*, *kräftig* и т. д. Продуктивность умляута при-

¹⁶ Н. Д. А р у т ю н о в а, Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, стр. 109.

¹⁷ W. D o r o s z e w s k i, *Nomina loci jako kategoria slowotworcza*, «Slavia», XXXI, 3, 1962, стр. 345.

¹⁸ Э. А. М а к а е в, Е. С. К у б р я к о в а, Отличительные черты морфонологии германских языков с историко-типологической точки зрения, сб. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков», стр. 25.

вела к его употреблению в формо- и словообразовании также в тех случаях, когда он в синхронии фонетически, т. е. позиционно немотивирован (*Töchter*). Однако первоначальная фонетическая экспансия умляута ощущается и в настоящее время. Диахронический спектр умляута находит свое отражение в том, что он обычно появляется при суффиксах, содержащих гласные, которые в более давние этапы развития немецкого языка вызывали умляут корневого гласного. К таким суффиксам относятся *-ig*, реже *-lich* и др. Морфонологическая гибкость корневых гласных в словообразовании не случайна. Она непосредственно связана с их морфонологической гибкостью при оформлении словоизменительных парадигм. Это обстоятельство свидетельствует о тесной структурной связи между словоизменением и словообразованием. Морфонологические факторы, сопровождающие переход слова из одной части речи в другую, потенциально заложены в формообразовательных парадигмах той части речи, которая служит производящей основой. Так, сильные глаголы, получающие умляут в личных формах, почти автоматически имеют умляут корневого гласного при образовании от них существительных с помощью суффикса *-er*, например: *Träger* (*tragen, trägst, trägt*), *Läufer* (*laufen, läufst, läuft*), ср. далее: *Bäcker, Fänger, Gräber, Schläfer, Wäscher* и мн. др. Исключениями в этом отношении являются *Fahrer* при *fährst, fährt* и *Halter* при *hältst, hält*.

Десубстантивные существительные также получают умляут, если гласные производящей основы существительного имеют умляут при образовании форм мн. числа, например: *Künstler* (*Kunst — Künste*), *Abgänger* (*Abgag — Abgänge*), *Tänzer* (*Tanz — Tänze*), *Häusler* (*Haus — Häuser*) и мн. др.

Деадъективные существительные с суффиксом *-ling* претерпевают перегласовку по умляуту, если прилагательное, выступающее в качестве производящей основы, имеет умляут при образовании степеней сравнения, например: *Jüngling* (*jung — jünger — jüngst*), *Schwächling* (*schwach — schwächer — schwächst*) и т. д.

Умляут в словообразовании — это морфонологическая примета корня слова, а не любой производящей основы. При наличии последовательности двух или более суффиксов в составе слова гласные предыдущего суффикса или суффиксов не подвергаются перегласовке по умляуту под влиянием последующих, например, суффикс *-igkeit* не вызывает умляута гласных предшествующих ему суффиксов *-los* и *-haft* (ср. *Arbeitslosigkeit, Wahrfügigkeit*). Единственным исключением из этого правила является модель с суффиксом *-tum*. Гласный этого суффикса получает умляут как в формо-, так и в словообразовании, например: *Eigentümer, volkstümlich, Altertümer*.

Таким образом, производные основы «наследуют» от производящей основы не только семантический и структурный инвариант, но и ее морфонологические потенции.

Варьирование иноязычных производящих основ обусловлено чередованиями согласных, которые имеют место на стыке морфем. Чередования деформируют морфемные швы, стирают границы между морфемами и вследствие этого противодействуют членимости основ. Слабая членимость иноязычных основ объясняется «омертвлением» отдельных словообразовательных моделей, т. е. утратой ими своей продуктивности и активности, а также обилием в отдельных словообразовательных моделях чередований. Первая причина не исключает вторую, ибо, как указывает Н. С. Трубецкой, «...нет сомнения, что чередования особенно сильны в мертвых, не продуктивных типах словообразования»¹⁹. Чем больше чередований, тем

¹⁹ N. S. Trubetzkoy, Das morphonologische System der russischen Sprache. TCLP, 2, 1934, стр. 90.

труднее уловить морфемные границы, тем они диффузнее, ср.: *deprimieren* — *Depression*, *kohärieren* — *Kohäsion*, *inspizieren* — *Inspektion*, *akzedieren* — *Akzession* и др.

Степень морфонологических расхождений между структурно и семантически коррелирующими основами различна. Максимальные морфонологические расхождения существуют между глагольными и субстантивными основами, в то время как между основами прилагательных и существительных они минимальны, ср.: *exprimieren* — *Expression* — *expressiv*. Морфонологически близкое родство существительных и прилагательных генетически объяснимо. Глагол и имя в индоевропейских языках образуют полярные точки в системе частей речи, т. е. структурно резко противопоставлены друг другу, в то время как существительные и прилагательные противопоставляются друг другу внутри именной части речи²⁰.

Другой морфонологический фактор, накладывающий определенный отпечаток на структурный облик производных слов, представляет собой явление, которое в советском языкознании принято называть «интерфиксацией»²¹. Интерфиксы определяются как части слова, не имеющие самостоятельного значения и выступающие как строевые средства языка²². К подобного рода «асемантическим прокладкам» (Е. А. Земская) в немецком языке можно отнести, например, *-t-* в *theoretisch* (*Theorie*) наряду с *chemisch* (*Chemie*)-*is-*, в *karbonisieren* наряду с *abonnieren*, *-an-* в *Hannoveraner*, *Weimaraner* наряду с *Berliner* и *Hamburger*, *-mat-* в *Schwachmatikus* наряду с *Luftwikus* и т. д.

Как явление, примыкающее к интерфиксации, по-видимому, можно рассматривать вставные суффиксы при так называемом чересступенном словообразовании. Чересступенное образование Н. А. Янко-Триницкая рассматривает как результат действия аналогии, суть которого состоит в том, что слово образовано как бы минуя определенную словообразовательную ступень²³. Так, в прилагательных *subjektivistisch*, *objektivistisch*, *feudalistisch* и т. д. отсутствует промежуточный деривационный шаг, ср.: *Leninist* — *leninistisch*, *Marxist* — *marxistisch* и т. п. С помощью суффикса *-erin* образованы обозначения лиц женского пола, являющихся исполнителями специфических видов деятельности, присущих только женщинам (например: *Gebärerin*, *Wöchnerin*).

При анализе словообразовательной структуры слова нередко бывает трудно определить, какая часть речи выступает в качестве производящей основы производного. Мотивировано ли, например, слово *Sprecherei* существительным *Sprecher* или глаголом *sprechen*? Поскольку производные *Bäckerei*, *Druckerei*, *Sprecherei* и многие другие семантически и структурно соотносятся как с существительным, так и с глаголом, можно говорить об основах с двойным направлением производности²⁴. Следует различать два вида двойной словообразовательной направленности основ. Во-первых, возможность двойного соотношения производных слов предполагает также наличие двух взаимоисключающих вариантов одного и того же суффикса, т. е. двух алломорфов. При соотношении производящей основы с существительным *Sprecher*, *Bäcker* и т. д. словообразовательным суффиксом является *-ei*, при соотношении же основы с глаголом выделяется

²⁰ А. А. Потенция, Из записок по русской грамматике, 3, М., 1968, стр. 5, 37.

²¹ См.: Е. А. Земская, Интерфиксация в современном русском словообразовании об. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964.

²² Там же, стр. 42.

²³ Н. А. Янко-Триницкая, К образованию новых слов *трудоустройств* — *трудоустроить*, «Вопросы культуры речи», III, М., 1961, стр. 141—142.

²⁴ См. об этом: К. А. Левковская, Словообразование, М., 1954, стр. 25; М. Д. Степанова, Аспекты синхронного словообразования, «Ин. яз. в шк.», 1972, 3, стр. 6.

алломорф *-erei*. Таким образом, категориальное варьирование (т. е. функционирование в разных лексико-грамматических разрядах) производящей основы вызывает также варьирование суффикса: Другую разновидность двойной словообразовательной направленности находим в производных типа *Kneiperei* при производящих основах *Kneipe* и *kneipen*, *Schmauserei* при *Schmaus* и *schmausen* и т. д. В последнем случае категориальное варьирование производящей основы не обуславливает вариантность суффикса. Ср. также: *Fachsimperei*, *Trommelei* и т. д.

К большинству иноязычных производных формула «В образовано от А» не применима не только или не столько потому, что формула указывает на процессуальный аспект словообразования, сколько из-за формальной невыводимости одной основы из другой. С синхронной точки зрения целесообразней было бы говорить о структурно и семантически коррелирующих, а не о производных и производящих основах. Существование параллельных конструкций с искомыми единицами обуславливает их взаимную производность, а установление направления производности таких основ нередко является несущественным, например: *Student — studieren — Studium — Studiker*. Производящая основа таких образований вычленима на основе формулы «А и В взаимно мотивированы», например, слово *Souffleur* мотивировано глаголом *soufflieren* или существительным *Souffleuse*.

Словообразовательная маркированность, т. е. производность, обнаруживает связь с линейной протяженностью слова, хотя многослоговые основы также могут быть нечленимыми. Большинство слов современного немецкого языка полиморфемны. Как известно, немецкий язык образует по количеству многоморфемных слов среди германских языков высший порог. Размер слова сам по себе, разумеется, не может служить показателем членимости производного на производящую основу и суффикс, но многосложность в большинстве случаев несомненно свидетельствует о полиморфематичности слова, т. е. о конструкции. Конструкция может состоять иногда из одних корневых морфем. Продуктивность словосложения в немецком языке общеизвестна. Такие сложные слова, как, например, *Werkzeugmaschinenbaukombinat*, *Waffenstillstandsverhandlung*, *Internationalisierungstendenzen* и т. д. не являются исключениями. Членение сложных слов на основы или морфемы не вызывает особых трудностей, и поэтому их размер не играет никакой роли для анализа спорных случаев производности. На основе цифровых данных²⁵ мы попытаемся показать связь между размером иноязычных производных существительных и их потенциальной членимостью. При определении размера слова представляется целесообразным исходить из количества слогов в составе слова. Ступени членимости и количество слогов в основе находятся в отношении прямой пропорциональной зависимости. По мере нарастания количества слогов возрастает потенциальная членимость основы. Количество слогов в иноязычных суффиксальных производных колеблется от двух до семи. Из большого количества (67) иноязычных суффиксов в составе двухсложных слов лишь некоторые могут быть выделены на уровне I ступени членимости. Сюда относятся производные с *-ist* (*Marxist*), *-ur* (*Punktur*), *-är* (*Quartär*) и т. д. Многие суффиксы в составе двусложных слов вообще не встречаются, например: *-ine*, *-elle*, *-ismus*, *-erie*, *-ade*, *-ille* и др. В образовании трехсложных существительных принимают участие все суффиксы. Степень участия по ступеням членимости у разных суффиксов различна. Трехсложные производные с одними суффиксами распола-

²⁵ Цифровые данные о количестве производных с тем или иным суффиксом извлечены из обратного словаря Э. Матера (E. M a t e r, Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, Leipzig, 1965).

гаются по всем трем ступеням членимости, например: *-eur* (*Billeteur, Redakteur, Entrepreneur*), *-ier* (*Pontonier, Füselier, Offizier*), *-ine* (*Blondine, Vitrine, Kusine*), *-tion* (*Affektion, Kremation, Libation*) и т. д.; трехсложные существительные с другими суффиксами обладают II и III или только III ступенями членимости, например, *-an* (*Kastellan, Ortolan*), *-ol* (*Staniol, Alkohol*), *-et* (*Katechet, Interpret*) и т. д. Четырех- и пятисложные слова обнаруживают еще большую потенциальную членимость. В пятисложных существительных III ступень членимости почти полностью исчезает, например: *Materialist, Kommunismus, Klassifikation, Qualifikation* и мн. др. Шести- и семисложные суффиксальные производные никогда не могут относиться к III ступени членимости, т. е. им свойственна самая высокая потенциальная членимость. Особенно хорошо видна связь между размером слова и его членимостью на словообразовательном и морфологическом уровнях при сопоставлении двух полярных точек линейной протяженности, т. е. низшего и высшего порогов длины слов. Например, производные с суффиксом *-tion* в трех- и шестисложных словах имеют следующую картину членимости:

Ступени членимости	Количество слогов				
	2	3	4	5	6
I	—	0,85%	—	0,9%	—
II	29,4%	88%	93,4%	96%	100%
III	70,6%	11,1%	6,6%	3,1%	—

Таким образом, живая или положительная выделяемость производящих основ (т. е. I и II ступени) двусложных равна 29,4%, а отрицательная выделяемость (т. е. III ступень) характерна для 70,6% случаев, в то время как живая членимость шестисложных слов составляет 100%. Эта закономерность присуща преобладающему большинству словообразовательных моделей иноязычных существительных. Проиллюстрируем данное положение еще на одной словообразовательной модели. Двусложные производные с *-ier* обладают только II и III ступенями членимости, и при этом очень велик удельный вес существительных, относящихся к III ступени — 72,5%. В трехсложных словах процент существительных I и II ступеней резко повышается (I — 36%, II — 36%). Четырехсложные производные обладают только живой членимостью.

Итак, структура слова представляет собой сложную организацию, не всегда поддающуюся непротиворечивому и однозначному описанию. Словообразовательная архитектура слова не может быть описана только на основе оппозиции «производная основа — непроизводная основа». Она имеет дело с континуумом переходов между непроизводностью и производностью основ, т. е. словообразовательной мотивации присуща полевая структура. Двумя полярными точками в цепи мотивированности — немотивированности (т. е. произвольности) лингвистического знака являются сложные слова и непроизводные корневые слова. Другие виды конструкции располагаются между этими двумя полюсами.